

Он на мгновение совсем забыл о времени и запустил тренировки. Однако Ли Аньсюань ничуть не беспокоился об этом. Напротив, он даже радовался, что его Инь-инь станет больше полагаться на него. В конце концов, он был уверен, что сможет надёжно защитить его. Это была уверенность, присущая только культиватору поздней стадии этапа возвращения в пустоту.

Если бы он не скрывал свой уровень культивации, заставляя всех думать, что он всё ещё «застрял» на начальной стадии этапа преобразования духа и не мог продвинуться вперёд уже более двадцати лет, то сейчас он уже мог бы считаться достигшим этапа «одного шага к небесам». Восхождение было делом одного мгновения, но он всё ещё беспокоился о своём Инь-инь, боясь, что его могут «обидеть». Именно поэтому он медлил с восхождением.

Однако Ли Фаньинь не был настолько беспечным. Проведя несколько дней с отцом в городке и насладившись простыми радостями обычных отца и сына, он всё же вспомнил, что ему пора возвращаться.

На этот раз они действительно хорошо провели время вместе.

Но, собираясь уходить, он увидел, как Ли Аньсюань, казалось, наслаждался этим больше, чем он сам, и ему стало трудно заговорить.

В конце концов, он всё же решился:

— Папа, ну... мне пора возвращаться в секту.

Услышав это, улыбка на лице Ли Аньсюань постепенно исчезла.

Ли Фаньинь, увидев его расстроенное выражение, вдруг почувствовал тоску. Он опустил глаза, длинные ресницы медленно трепетали, отбрасывая чёрные тени, похожие на хрупкие крылья бабочки. Лёгкий ветерок коснулся лица, поднимая пряди волос у висков и слегка развевая плащ. Это невольно создавало атмосферу глубокого одиночества, вызывая чувство жалости.

После того как они вернулись с реки, где запускали фонарики, они прошлись по улицам, пробуя различные блюда простых людей. С их нынешним уровнем мастерства они уже давно могли обходиться без пищи. То, что простые люди использовали для утоления голода, для них было скорее примесью в их практике.

Однако, следуя местным обычаям, они на время забыли, что были культиваторами, и почувствовали себя обычными людьми, наслаждаясь простыми радостями.

— Эх... — Ли Аньсюань вдруг глубоко вздохнул. — Кто это говорил, что ему становится больно в груди при одной мысли о том, чтобы расстаться с папой хоть на мгновение, а?

Он тихо засмеялся, с улыбкой взглянув на Ли Фаньинь. Его шутливый тон развеял некоторую тяжесть, возникшую из-за предстоящего расставания.

— Теперь Инь-инь вырос, разве он больше не любит папу? А? Раньше ты ни за что не хотел отходить от меня ни на шаг! — Ли Аньсюань поднял бровь, с лёгкой «обидой» в голосе.

Услышав его насмешки, уши Ли Фаньинь, обычно изящные и прозрачные, обмякли и покраснели... Ему было стыдно даже поднять глаза на отца.

— Э... Неужели я действительно говорил это в детстве?

В сердце возникло странное чувство стыда, и он захотел свернуться клубком и спрятаться где-нибудь. Непроизвольно он поднял руки, закрывая уже разгоревшееся лицо.

Он притворился, что его нет, наивно пытаясь скрыться от насмешливого взгляда Ли Аньсюань, что выглядело крайне невинно...

Ли Аньсюань наслаждался тем, как дразнит своего стеснительного сына. Насмотревшись на его смущённое и милое лицо, он наконец смягчился. Тонкие губы слегка приподнялись, и он почувствовал себя невероятно довольным.

— Хе-хе...

Глубокий голос Ли Аньсюаня прозвучал в ушах Ли Фаньинь, и тот снова захотел спрятаться. Этот голос был как перышко, легонько щекочущее за ухом, вызывая приятное покалывание.

Ли Аньсюань вдруг понял, что дразнить сына — так весело. В его улыбке появилась нотка озорства. Тяжесть в сердце, возникшая из-за того, что сын уходил, а он не мог его удержать, наконец рассеялась в этом радостном смехе.

Однако спустя некоторое время низкий голос, полный сожаления и досады, снова раздался в ушах Ли Фаньинь:

— Ну что ж, папа знает, что Инь-инь «снова» уходит...

Ли Аньсюань специально сделал акцент на слове «снова».

— Папа... — Ли Фаньинь поднял голову и тихо позвал. В голосе невольно слышалась сильная вина.

Именно поэтому Ли Фаньинь, поступив в Фаньмэн, несколько лет не возвращался домой. Каждый приезд домой был полон радости, а каждое расставание причиняло боль.

Ли Аньсюань смотрел на своего ребёнка, чьи глаза были подобны звёздному небу, и видел, как тот беспомощно смотрит на него. Почему-то невольно сравнил его с тем маленьким комочком, который когда-то смотрел на него с полной доверия красотой.

— Видимо, я всё же не могу допустить, чтобы Инь-инь чувствовал себя неловко, — он тихо вздохнул и сдержал эмоции.

Затем торжественно произнёс:

— Тогда обещай, что будешь чаще навещать папу?

— Угу! — Ли Фаньинь кивнул.

— Или если ты не вернёшься, папа сам придёт к тебе! — Ли Аньсюань остановился, повернулся к нему и серьёзно сказал.

— Угу-гу!

— И почаще используй браслет Тинфэн, чтобы поддерживать связь с папой! — Ли Аньсюань достал браслет, который теперь уменьшился и висел на красной нити, и слегка встряхнул его. Браслет, похожий на кольцо, издал мелодичный звон, подобный звуку серебряного колокольчика.

— Хорошо! — ответил Ли Фаньинь.

— И ещё, не доверяй людям, особенно женщинам! — Ли Аньсюань сделал паузу и продолжил.

— Хорошо! — Ли Фаньинь уже начал чувствовать лёгкое раздражение. Почему папа вдруг стал вести себя как ребёнок?

— Имей своё достоинство, не... не сближайся слишком с женщинами! — Он задумался и добавил:

— И с мужчинами тоже!

Ли Фаньинь промолчал.

Прошло некоторое время, но ответа не последовало.

— Эй, где ты?

Ли Аньсюань обернулся, но рядом никого не было. Оглянувшись назад, он увидел, что сын остановился и с лёгкой улыбкой смотрит на него. Тот выглядел так, будто не знал, что делать, и слегка беспокоился, как ответить.

Ли Аньсюань тоже без тени смущения вернулся backwards и остановился перед Ли Фаньинем. Его глаза слегка блеснули, и он попытался объяснить:

— Ну, папа имел в виду, что на пути совершенствования нужно соблюдать единство сердца Дао. Слишком рано искать партнёра может отвлечь от практики, что не пойдёт на пользу.

Ли Фаньинь просто подумал, что его папа слишком беспокоится. А теперь, когда он вырос и не был так близок с ним, как в детстве, чувствовал себя виноватым и неловко. Он не понял скрытого смысла его слов.

Уголок рта дёрнулся, и он сказал Ли Аньсюаню:

— Папа, не волнуйся! Я не буду искать партнёра!

Однако выражение лица Ли Аньсюаня не изменилось, и он явно не поверил.

Ли Фаньиню пришлось с улыбкой объяснить:

— В этом мире только папа лучше всех относится ко мне, мне достаточно папы!

Увидев, что лицо Ли Аньсюаня стало спокойнее, он немного расслабился.

Но вдруг Ли Аньсюань сказал:

— А если всё же найдётся кто-то?

Ли Фаньинь с безысходностью покачал головой. В этот момент их роли поменялись. Ли Фаньинь смотрел на Ли Аньсюаня, и на его изысканном лице читалась полная снисходительность.

Как когда-то его папа безоговорочно удовлетворял его желания и бесконечно баловал его, так и он теперь, словно шутя, успокаивал Ли Аньсюаня:

— У меня только папа — мой самый важный человек! В моём сердце только папа, и если когда-нибудь появится кто-то другой, то ты просто закрой дверь здесь... — Ли Фаньинь говорил с серьёзным лицом, хотя внутри уже смеялся.

Он указал на сердце и, улыбаясь, продолжил:

— ...и не пускай никого внутрь, и всё! Если кто-то осмелится попытаться войти, я уничтожу его, а если я не смогу, ты, папа, такой сильный, поможешь мне, да?

Слушая шутки Ли Фаньиня, Ли Ансюань в этот момент в сердце принял решение.

<http://bllate.org/book/16649/1525362>